2. Rachipa A.V., Kas'yanov V.V., Samygin S.I. Principy effektivnoj modeli upravleniya molodezhnoj politikoj na regional'nom urovne // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №6.
3. Bedrik A.V., Zarbaliev V.Z. Faktory rasprostraneniya molodezhnogo ekstremizma na YUge Rossii na sovremennom etape // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). P. 38–50.
4. SHevhuzhev M.S. Formirovanie i realizaciya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki na Severnom Kavkaze v 90-h godah XX veka (na materialah Stavropol'skogo i Krasnodarskogo kraev): avtoref. … kand. ist. nauk. Karachaevsk, 2004. 28 s.
5. Dejch B.A. K voprosu ob opredelenii kriteriev effektivnosti regional'noj molodezhnoj politiki v Rossii / Regionalizaciya molodezhnoj politiki v Rossii: istoriya, opyt, praktika. SPb., 2015. P. 23 – 25.
6. Ignatova T.V. Formirovanie upravlencheskogo rezerva regiona cherez razvitie administrativno-obrazovatel'nyh klasterov // Kreativnaya ekonomika. 2012. № 3.
7. Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I. Socio-political changes as a sociocultural trauma for the social health of Russian youth // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. T. 8. № 5. P. 602 – 609.
8. Gnevasheva V.A., Fal'kovskaya K.I. Effektivnost' molodezhnoj politiki: problema opredeleniya kriteriev (rezul'taty ekspertnogo oprosa) // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Poni-manie. Umenie». 2011. № 6.
9. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret. M., 2010. 592 c.
10. Orlov A.I. Upravlencheskaya model' effektivnoj realizacii regional'noj molodezhnoj politiki v sovremennyh usloviyah / Regionalizaciya molodezhnoj politiki v Rossii: istoriya, opyt, praktika. SPb., 2015. P. 56 – 58.

УДК 316 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-3-234-238

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ И ОБРАЗА ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Кужелев Максим Александрович старший преподаватель, Донской государственный технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: kuzhelev@hotmail.com

Аннотация

В статье рассматривается возникновение понятия «социальная эксклюзия» в социологической науке. Осуществляется попытка анализа данного социального явления с точки зрения различных методологических подходов с целью дальнейшего выведения комплексного научного определения. Попытки систематизировать выводы относительно содержания, причин возникновения и последствий социальной эксклюзии применительно к сельской молодежи приводят к заключению о необходимости ее рассмотрения с позиции особенностей образа жизни данной социальной группы.

Ключевые слова*: социальная эксклюзия, сельская молодежь, образ жизни, депривация, интеграция, социальный капитал, социальные группы, самоидентификация, инклюзивные процессы.*

Различные интерпретации понятия «социальная эксклюзия» связаны с его использованием в различных областях научного знания. В социологии термин «эксклюзия» чаще всего интерпретируется как исключение определенных социальных групп из полноценной жизнедеятельности общества (дети-сироты, инвалиды, пожилые люди, лица с делинквентным поведением, то есть наркозависимые и др.), поскольку, с одной стороны, их социальные права ограничены, а с другой, они обладают специфичным индивидуальным восприятием и самоидентификацией. Однако исследования молодежи с позиций социальной эксклюзии в социологии отсутствуют. Это становится возможным, если рассматривать социальную эксклюзию молодежи с позиций особенностей ее образа жизни. Именно этим объясняется предпринятая попытка систематизации теоретических подходов в изучении образа жизни индивидов и социальных групп.

В своей исторической научной ретроспективе понятие эксклюзии интерпретировалось в зависимости от национального контекста в этическом и нормативном аспектах. Нормативный аспект характерен для англосаксонского подхода, поскольку ориентирован на институт прав человека в результате инклюзивных процессов. Французская теория эксклюзии ориентирована на этический формат прав человека, в рамках которого солидарность и интеграция граждан в общественную жизнь возможна только при уважении прав любых меньшинств. Инклюзия, согласно англо-американскому подходу, возможна в условиях преодоления бедности путем обеспечения «нормального» образа жизни, то есть доступа к необходимым ресурсам различных социальных групп.

С 80-х годов XX века западные ученые и политики стали использовать термин «социальная эксклюзия», поскольку ее основой выступала концепция относительной бедности П. Таунзенда.

Бедность – негативное отклонение (девиация) от социетальной нормы жизни по причине ограниченности ресурсов» [1, с.159]. Соответственно, по мнению координатора одной из социальных программ Г. Рума, «индивиды страдают от социальной эксклюзии, когда: 1) находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых

ресурсов и т.д.; 2) их шансы получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения; 3) подобные ограничения длятся во времени»[1].

С начала 2000-х гг. в социологии социальную эксклюзию рассматривают на трех уровнях – макро, мезо и микро. Впервые использовать многоуровневый социоструктурный подход к изучению социальной эксклюзии предложила Н.Е. Тихонова, которая писала, что рассмотрение эксклюзия на макроуровне осуществляется «с позиций общества и сосредоточивается на самом факте отсутствия доступа к механизмам интеграции. Ключевым словом при таком подходе выступает «дискриминация». На микроуровне анализируется положение самих носителей социальной эксклюзии и внимание концентрируется на том, в чем именно проявляется специфика жизненной ситуации членов этой группы по отношению к другим членам общества» [2, с. 5].

Мезоуровень социальной эксклюзии не являлся длительное время самостоятельным предметом исследования в российской и западной социологии, поскольку на законодательном уровне определялась как «трудная жизненная ситуация, нарушающая жизнедеятельность индивида и касалась групп, которые нуждаются в заботе и помощи» [3, с. 23].

Однако, когда к этим группам стали относить девиантные и депривированные слои общества, ученые обратились к рассмотрению мезоуровня социальной эксклюзии. Использование теории структурации позволило им и в качестве источников эксклюзии, наряду с «функционированием социальных институтов и сообществ, ключевых для тех или иных социальных групп» выделить «повседневные практики, в которых проявляется социальное исключение» [3].

На базе социоструктурного подхода учеными был разработан ресурсный подход как новая теоретико-методологическая парадигма исследования социальной эксклюзии, которая стала рассматриваться как «отсутствие у индивида или группы того или иного вида капитала, который мог бы стать ресурсом для ее преодоления» [4, с. 17]. Представитель этого подхода М.С. Астоянц выделяет три вида ресурсов, «отсутствие которых является ключевым для отнесения индивида (группы) к категории исключенных: экономические ресурсы – обладание материальными благами, к которым относятся деньги и товары; культурные ресурсы – образование и культурный уровень индивида, выражающийся через язык, особенности поведения и т.д. как результат социализации; социальные ресурсы – связанные с принадлежностью к социальной общности, степень включенности в нее, возможность и умение пользоваться ее ресурсами (родственные, дружеские связи, соседство, сообщество)» [4, с. 46]. Соответственно, социальная эксклюзия вызвана отсутствием у индивидов и групп социального, экономического, культурного капитала.

Таким образом, в рамках социоструктурного подхода «под социальным исключением понимается институционализированный сценарий, реализующийся на макро-, мезо-, микроуровнях, направленный на подавление, игнорирование обществом сложностей существования определенной группы и лишение сообщества полностью или частично социальных, экономических, политических и культурных прав и возможностей» [3, 12].

Изучение социальной эксклюзии с позиций образа жизни различных социальных групп предполагает выявление содержания «образа жизни» – традиционной категории в социально-гуманитарных и социологических дискурсах. В 70-80-е гг. XX века ученые предложили рассматривать образ жизни в единстве наличных форм человеческой жизнедеятельности и конкретно-исторических условий их реализации. В соответствии с этим, выделение и изучение образа жизни какой-либо социальной группы или общества в целом предполагало, во-первых, типизацию основных сфер и форм человеческой жизнедеятельности, во-вторых, анализ детерминант социальной активности людей [5].

Большая часть работ этого периода, посвященных проблематике образа жизни, приходится на прикладные исследования. Прикладные исследования советского периода содержат продуктивный опыт разработки и апробации методологий и методик изучения образа жизни двух основных групп страны: рабочих и крестьян. Именно здесь были установлены показатели трудовой, культурно-бытовой и общественно-политической активности граждан, а также показатели условий их жизни. В совокупности эти показатели образовывали исходную модель образа жизни той или иной социальной группы, в которой различали уклад, уровень, качество, стиль жизни (тип поведения).

В настоящее время предметное изучение образа жизни какой-либо социальной группы располагает методологическими резервами, которые формируются и апробируются при решении проблем расслоения современного российского общества, институционального неравенства и состояния человеческого капитала. Это, прежде всего, стратификационный, ресурсный, структурно-дифференциальный подходы, а также социокультурное портретирование.

[1] Observatory on National Policies to Combat Social Exclusion. 1989. 29 September.

Ресурсный подход активно использовали ведущие отечественные социологи. Так, Т.И. Заславская в своем теоретическом анализе социальной структуры современного российского общества использует принцип учета совокупного капитала индивидов и социальных групп. В совокупном капитале Т.И. Заславская, сообразуясь с предложенными в западной социологии характеристиками, выделяет следующие его виды: а) политический (административный, бюрократический); б) экономический; в) социальный; г) культурный [6, с. 150]. О.И. Шкаратан вместо понятия ресурсов выдвигает понятие ресурсного потенциала индивидов. На основе эмпирических данных он доказывает, что в разные исторические периоды и в зависимости от ситуации в месте проживания даже в условиях одного типа общества востребуются разные компоненты ресурсного потенциала индивидов [7]. В.В. Радаев с позиций рыночной конверсии различает восемь типов капиталов, которые, по его мнению, не только определяют социальное неравенство, но и обеспечивают самовозрастание совокупного капитала. Он также уточняет понятие ресурса положением о том, что в условиях рыночной экономики ресурс сам по себе только потенциал, для его активного состояния необходима конверсия в денежную форму, тогда он становится капиталом [8, 9].

Обобщая выводы зарубежных и отечественных специалистов, Н.Е. Тихонова считает, что «в контексте ресурсного подхода процесс общественного производства и воспроизводства задает некую сетку социальных позиций, каждая из которых для ее заполнения предполагает наличие не просто определенного объема совокупного ресурса, но и активы определенной структуры» [10, с. 36].

Ресурсный подход дает ценные результаты относительно реально испытываемых лишений и ограничений у разных групп российского населения. Ученые, анализируя, с одной стороны, диапазон расходов, с другой – специфику обеспечения ресурсами квотированных по разным признакам групп, приходят к выводу о наличии в массовом сознании искаженных представлений о нормальном/ненормальном уровне жизни [11, с. 236].

Полезные сведения об образе жизни разных социальных групп и, в том числе молодежи, получают авторы социокультурного портретирования российских регионов и поселений разного типа.

Социологический анализ такого направления формируется с учетом разных социально-экономических и демографических оснований, например, экономической активности и занятости, типе поселения, территории проживания, возрасте, образовании, профессии и т.д.

Представители структурно-дифференциального подхода выясняют распространенность бедности в отдельных социальных группах, а также «вклад группы в бедность всего населения» (так называемый «индекс Фостера» [12]). Согласно выводам одного из структурно-дифференцированных анализов, «социально-экономические группы вносят неравный вклад в бедность населения страны. К числу вносящих вклад в бедность, заметно превышающий их долю в численности населения, относятся сельские жители, дети, члены многодетных семей или семей с числом детей не менее двух, безработные. Среди взрослого и работающего населения наибольший вклад в бедность вносят люди, не имеющие законченного общего среднего образования, работники неквалифицированного ручного труда (разнорабочие всех отраслей занятости)» [13, с. 25]. Как видим, структурно-дифференциальный анализ бедности дополняет и уточняет выводы стратификационного подхода, в рамках которого образ жизни молодежи в современной России рассматривается с позиций институционального неравенства - закрепления неравных «жизненных шансов» или упрочения иерархии привилегий и лишений относительно доступа к жизненным благам и ценностям. Кумулятивные социальные процессы неравенства предполагают накапливание преимуществ и лишений у молодежи в профессиональной, культурно-бытовой и общественно-политической сферах жизнедеятельности, что ведет к ее дифференциации в виде формирования высокоресурсных и низкоресурсных групп [14].

Констатация социологами интенсивных процессов поляризации социальной структуры, массовых явлений депривации и социальной эксклюзии в России начала XXI в. напрямую затрагивает такую социальную группу, как молодежь. Комплексная перспектива исследования предполагает рассмотрение социальной эксклюзии как индикатора образа жизни молодежи.

Итак, в обобщенном виде социальная эксклюзия с позиций образа жизни молодежи представляет собой «многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества», что ведет к возникновению состояния отверженности. Социальная исключенность «происходит вследствие действия ряда внешних и внутренних факторов, проявляющихся в разрыве социальных связей, отказе от участия в различных видах социального взаимодействия и пользования механизмами социальной интеграции, приводящий в своей крайней точке, к социальной изоляции индивида» [15, с.4].

Молодежь относится к низкоресурсной группе, чей низкий уровень дохода и случайный характер занятости способствуют сниженной мотивации и отсутствию установок на профессиональную деятельность, преобладанию неформальных способов достижения целей. В результате песси-

мизма и апатии формируется депривационный взгляд на мир, способствующий исключенности молодых людей из системы социальных взаимодействий в виде добровольной или вынужденной самоизоляции. Поэтому с позиций ресурсного подхода, социальная эксклюзия вызвана отсутствием у молодежи социального, экономического, культурного капитала, который мог бы стать ресурсом для ее преодоления. Специфика социальной эксклюзии заключается в том, что «даже в ходе взаимодействия субъектов общества, особенностью которого является возникновение нового постоянного (пониженного) качества жизни с инерцией его сохранения даже при изменении внешних условий в лучшую сторону, который приводит к изменению социального статуса и социальных ролей индивида, они фактически перестают быть частью социума» [15, с. 4]. Эта ее особенность свидетельствует о возрастании групп исключенных из социального взаимодействия молодых людей.

Представители ресурсного подхода в контексте образа жизни молодежи выделяют городскую и сельскую эксклюзию, поскольку внешняя среда определяет ограничения доступа представителей этой социальной группы к ресурсам. В сравнении с городским образом жизни молодежи, сельская молодежь сталкивается с отсутствием развитой социальной инфраструктуры, прежде всего, в области образования и медицинского обслуживания, низкими доходами, плохими бытовыми условиями и т.д.

Ученые подчеркивают, что эксклюзия зависит от крестьянского образа жизни, условиями которого являются снижение объемов сельскохозяйственного производства, неразвитость инфраструктуры, преобладание немеханизированного физического труда. В отличие от зрелого населения, адаптированного к устоявшемуся годами сельскому образу жизни, сельская молодежь испытывает потребность в более полной интеграции в общество, но низкий уровень жизни и напряженная ситуация на рынке труда порождают социальную исключенность и депривацию.

В рамках социального портретирования ученые изучают процессы изменения пространственной конфигурации образа жизни молодежи. Они выделяют несколько тенденций в нынешней системе расселения: 1) рурализацию, т.е. рост численности сельского населения и числа населенных пунктов лишь в некоторых регионах страны; 2) концентрацию сельского населения в отдельных субъектах РФ при сокращении сельских поселений в целом по стране; 3) депопуляцию, сокращение количества людей и числа сельских поселений во многих субъектах РФ; 4) нарастание дисперсности и переход к очаговым формам хозяйственной деятельности на территориях со слабыми локальными рынками. Последняя тенденция преобладает, но ее не следует рассматривать только как негативную.

Таким образом, изучение социальной эксклюзии определенной социальной группы – молодежи, предполагает ее рассмотрение с позиций особенностей ее образа жизни. В широком смысле образ жизни молодежи – это способ жизнедеятельности в трудовой, культурно-бытовой и общественно-политической сферах, определяющий их типы поведения людей и степень активности, которые формируются под влиянием сельского или городского уклада жизни и нормативно-ценностной системы. Анализ образа жизни молодежи позволяет выделить городскую и сельскую эксклюзию, поскольку внешняя среда определяет ограничения доступа представителей этой социальной группы к ресурсам. Сельская молодежь как низкоресурсная группа испытывает потребность в более полной интеграции в общество, но низкий уровень жизни и напряженная ситуация на рынке труда порождают социальную исключенность и депривацию. На пути к трудовой, образовательной, культурной, политической социализации присутствуют барьеры, препятствующие интеграции данной социально-демографической группы в общество и полноценному освоению социальных ролей ее представителями. В стремлении улучшить свое материальное положение молодые люди прибегают к постоянным подработкам как в городе, так и на селе. Ведение подсобного хозяйства служит подспорьем для некоторой части сельской молодежи. Но данный факт помимо применения компенсаторной стратегии свидетельствует в пользу отката к натуральным формам хозяйствования на селе и не способствует развитию молодежного предпринимательства. Такая тенденция, подкрепленная неблагоприятными социально-экономическими условиями, не позволяет молодым жителям чувствовать уверенность в перспективах дальнейшей жизни. Данный факт осознания ограниченности личных перспектив отрицательно сказывается на амбициях самореализации молодежи.

Литература

1. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158 – 166.
2. *Тихонова Г.Е.* Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С.5-17 [Электронный ресурс]. URL:http://ecsocman.hse.ru/data/275/359/1217/1.pdf (дата обращения: 13.01.2018).
3. *Ефлова М.Ю.* Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции. Автореф. диссерт. на соиск. уч. степени док. социолог. наук. Саранск, 2015.

4. *Астоянц М.С.* Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация). Дис. на соиск. ст. док. социолог. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
5. *Толстых В.И.* Образ жизни: Понятия. Реальность, Проблемы. М.: Политиздат, 1975; Бутенко А.П. Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества. Отв. ред. И.Т. Левыкин. – М.: «Наука», 1987.
6. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. 400с.
7. *Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В.* Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. – М.: ГУ ВШЭ, 2003, 68 с.
8. *Радаев В.В.* Экономическая социология. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. С.397-400.
9. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5 – 16.
10. *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социс. 2006 № 9. С. 28 – 41.
11. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М. К. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
12. *Foster J.* On Economic Poverty: A Survey of Aggregate Measure// Advances in Econometrics. 2004, vol.3.
13. *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С.* Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // Социс. 2004, № 12. С. 17 – 29.
14. *Астоянц М.С.* Социальное сиротство: условия, механизмы и динамика эксклюзии (социокультурная интерпретация). Автореферат Дис. на соиск. ст. док. социолог. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
15. *Мохов Д.Б.* Социальная эксклюзия пенсионеров как объект социального управления.Автореф.диссер. на соиск. уч. степени канд. социолог. наук. Новосибирск, 2016. 24 с.

Kuzhelev Maxim Aleksandrovich, Senior lecturer, Don state technical university (1, Gagarina Square, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation). E-mail: kuzhelev@hotmail.com

THE NOTION OF SOCIAL EXCLUSION AND WAY OF LIFE OF YOUTH IN SOCIOLOGY

Abstract

The article deals with the emergence of the concept of social exclusion in sociological science. An attempt is made to analyze this social phenomenon from the point of view of various methodological approaches in order to further develop a comprehensive scientific definition. Attempts to systematize conclusions concerning the content, causes and consequences of social exclusion in relation to rural youth lead to the conclusion about the need to consider it from the perspective of this social group way of life.

Keywords: *social exclusion, rural youth, conduct of life, deprivation, integration, social capital, social groups, self-identification, inclusive processes.*

References

1. Abrahamson P. Social'naya eksklyuziya i bednost' // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 2. P. 158 – 166.
2. Tihonova G.E. Social'naya eksklyuziya v rossijskom obshchestve // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 6. P. 5-17 [Elektronnyj resurs]. URL:http://ecsocman.hse.ru/data/275/359/1217/1.pdf (data obrashcheniya: 13.01.2018).
3. Eflova M.YU. Social'naya eksklyuziya deprivirovannyh grupp (narkozavisimyh i lyudej, zhivushchih s VICH) v rossijskom obshchestve: strategii institucionalizacii i opyt integracii. Avtoref. dissert. na soisk. uch. stepeni dok. sociolog. nauk. Saransk, 2015.
4. Astoyanc M.S. Social'noe sirotstvo: usloviya, mekhanizmy i dinamika eksklyuzii (sociokul'turnaya interpretaciya). Dis. na soisk. st. dok. sociolog. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
5. Tolstyh V.I. Obraz zhizni: Ponyatiya. Real'nost', Problemy. M.: Politizdat, 1975; Butenko A.P. Obshchee i osobennoe v obraze zhizni social'nyh grupp sovetskogo obshchestva. Otv. red. I.T. Levykin. – M.: «Nauka», 1987.
6. Zaslavskaya T.I. Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: social'nyj mekhanizm transformacii. – M.: Delo, 2004. 400s.
7. SHkaratan O.I., Bondarenko V.A., Krel'berg YU.M., Sergeev N.V. Social'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii. – M.: GU VSHE, 2003, 68 s.
8. Radaev V.V. Ekonomicheskaya sociologiya. – M.: Izd. Dom GU VSHE, 2005. S.397-400.
9. Radaev V.V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertaciya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2003. № 2. P. 5 – 16.
10. Tihonova N.E. Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah // Socis. 2006 № 9. P. 28 – 41.
11. Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoj diagnostiki). V 2 t. T. 1 / Gorshkov M. K. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Novyj hronograf, 2016. 416 s.
12. Foster J. On Economic Poverty: A Survey of Aggregate Measure// Advances in Econometrics. 2004, vol.3.
13. Bogomolova T.YU., Tapilina V.S. Migraciya bednosti: masshtaby, vosproizvodstvo, social'nyj spektr // Socis. 2004, № 12. P. 17 – 29.
14. Astoyanc M.S. Social'noe sirotstvo: usloviya, mekhanizmy i dinamika eksklyuzii (sociokul'turnaya interpretaciya). Avtoreferat Dis. na soisk. st. dok. sociolog. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
15. Mohov D.B. Social'naya eksklyuziya pensionerov kak ob"ekt social'nogo upravleniya.Avtoref.disser. na soisk. uch. stepeni kand. sociolog. nauk. Novosibirsk, 2016. 24 s.